

12+

Кристина Акопян

**До меридиана и обратно к
себе**

Кристина Акопян До меридиана и обратно к себе (часть I)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66204572

SelfPub; 2023

Аннотация

Уважаемый врач Аристарх Вольц на ледоколе “50 лет Победы” добирается до “макушки” нашей планеты. Он оглядывается на свою прожитую жизнь, вспоминая о пережитых потерях в бескрайней белизне. К чему придет Аристарх Петрович в свой пятидесятый юбилей, чувствуя огромную вину перед сыном? Рассказ о вечном конфликте детей с родителями, а также о возможных последствиях.

Кристина Акопян

До меридиана и обратно к себе (часть I)

Аристарх Петрович Вольц стоял, опустив голову под ноги, на ледяной корке земли и оценивал безопасность своего нахождения на льдине. Он был в первый раз в Арктике. И как медик на атомном ледоколе тоже в первый раз.

«Не о чем переживать, – подумал Аристарх, – если для пробивания пути требуется целый атомный ледокол, то меня точно выдержит».

Вокруг было много людей, Аристарх оглянулся, страх провалиться под лёд пропал. Разноцветные точки на белом фоне бегали, прыгали, ложились на льду для фото и видео – это были пассажиры экспедиционного тура.

«Никто не провалился под лёд, и ты не провалишься». Отойдя на расстояние ста метров от ледокола «50 лет Победы», Аристарх впервые посмотрел на это чудо науки со стороны. Это было забавно, ведь сегодня, шестого августа, ему исполнилось ровно пятьдесят лет. Иронично смотреть на эту цифру на брюхе гиганта, когда сам как щепка на его фоне.

Аристарх раскрыл свое раскладное кресло, сел, открыл крышку термоса, нажал на кнопку, кнопка провалилась

внутри, и в ту же крышку налил себе чай.

«Чай для русских – это не удовольствие и не для согревания, чай для нас – ритуал. Ритуал побыть с собой или с кем-то, не важно, главное, чтобы руки были заняты теплой кружкой. Так легче думать», – мысли Аристарха пролетели дальше термоса и раскладного кресла, которое ему подарил сын на сорокапятилетие.

Врач представил, что бы испытал, оказавшись здесь не в пятьдесят лет, а в двадцать или в тридцать. Он оглянулся по сторонам понаблюдать за разноцветными точками вокруг. Им было как раз двадцать, тридцать лет, они не боялись и не анализировали безопасность под ногами. «Им море по колено, не то что мне, старику». Аристарх давно смирился с текучестью времени, как летели годы. А последние пять улетели как миг.

Его взгляд вернулся опять на брюхо ледокола, кажется, у них образовалась связь, они говорили мысленно.

«Хотел бы я здесь оказаться с моим Мишей, – обратился Аристарх к Победе, – с Мишкой хотел бы оказаться, где угодно, лишь бы с ним». Он вспомнил последний разговор с Мишей 4 мая 2014 года.

– Не пойду, не поступлю в «мед», не заставишь, – разрывая горло, кричал Миша отцу в своей комнате. Вены пульсировали на висках и на шее.

– Пойдешь, у тебя дар, ты будешь отличным врачом, не спорь. Я старше, Миша, я лучше вижу и больше знаю. Я то-

же сначала не хотел по следам отца в «мед», думал, будут судить, сравнивать. Поступил, стал неплохим терапевтом, полюбил профессию. И ты полюбишь. Химию и биологию будешь сдавать, иначе в армию пойдешь.

– Не буду. Я ненавижу врачей, и тебя ненавижу. Ваше врачебное поколение на мне прервется, или родите себе еще одного ребенка.

– А куда ты пойдешь, объясни, – отец уже сам кричал, громче, чем Миша. – Только не говори автослесарем, умоляю, ты умный, у тебя знания, ты можешь стать полезным обществу человеком.

– Ты вот врач, чем ты полезен? Вы оба с матерью бесполезны, вам даже нормально не платят, копейки считаете всю жизнь. – Миша очень хотел сделать больно отцу, и чтобы мать услышала, ведь она так и не поддержала его, а он ждал, ждал, вот-вот ворвется в комнату, как рыцарь в белых доспехах, и спасет его от авторитетного отца. Но ее не было.

– Не сдашь нужные предметы, в армию пойдешь, – повторил Аристарх, – я так сказал, сам тебя за руки и ноги в военкомат отведу.

Миша не хотел в армию, он хотел учиться, но не в медицинском. А может, и был готов изучать медицину, но давление отца отталкивало его. Надежды отца пугали его, не стать достойным семьи Вольц было самым страшным, вот и бунтовал. Только откуда было ему это знать в свои вот-вот 18 лет.

После этого дня Аристарх ни одним словом не обмолвил-

ся с сыном. Они оба молчали, ведь так были похожи характерами, упрямые. Аристарх знал, почему дети растут упрямыми, знал, что они с женой многое запрещали, ограничивали, не давали самому выбирать Мише, вот он и стал упрямым, лишь бы было так, как он хочет. Противоборство – это поддакивание своим страхам.

На экзамене по химии и биологии, как и планировал, Миша так и не ответил ни на один вопрос, он и не готовился, и ответы не все знал, даже если бы в эту секунду передумал, все равно не смог бы ответить на все вопросы.

Когда узнали результаты экзаменов, это выглядело так: русский – 94 балла, математика – 95 баллов. Химия и биология – 0 баллов. С двумя предметами поступать куда-либо на бесплатно было невозможно.

В армию Аристарх сына не проводил, мать отвезла его одна, попрощалась, обещала отправлять деньги.

Аристарх вспомнил сцену, как сын сел в машину, посмотрел на открытое окно квартиры, где он, Аристарх, стоял с сигаретой во рту и наблюдал за отъезжающей машиной.

«Он посмотрел на меня с такой ненавистью, “Победа”, ты даже себе не представляешь, а в глазах – “не прощу”, а я наивно подумал: простит, армия сделает из него мужчину, я служил, и дед служил, и он послужит, вернется послушным. Я так хотел его сломать, что сломал себя». «Победа» промолчал в ответ, как хороший слушатель.

На холодном воздухе чай остывал быстро, Аристарх сде-

лал глоток из крышки термоса, а термос поставил себе между колен.

Вопрос, который вот уже неделю каждый день появляется в голове Аристарха, – «Как там моя Лиличка? Хочет еще пить?», сам ответил на свой вопрос: «Что могло измениться за неделю?». И его воспоминания улетели в недавнее-давнее прошлое 2014 года. Сидел он со своей убитой горем женой в холодном коридоре морга города Мурманска. Напротив открылась пластиковая дверь, не выходя из дверей, высокий мужчина в темно-синей медицинской форме пригласил их на опознание в помещение еще холоднее, чем коридор. В комнату вошел Аристарх, один.

Мишу застрелил боевой товарищ во время несения службы, как покажет следствие позже – по случайности. Застрелившему грозила уголовная ответственность в военном суде. Это был мальчик из детского дома, его звали Женя. Аристарх и Лилия были на суде, и свое слово они сказали в защиту сироты Жени. Никто не хотел его посадить в тюрьму, но было надо.

Аристарх уже допил свою кружку чая, как ему показалось в такой момент, грустно подумать о грустном. Только думал он об этом все время, даже когда говорил о совсем другом.

«Я нахожусь на “макушке” планеты, а вспоминаю о том, что даже не в силах поменять», – он встал и пошел в направлении носовой части ледокола. Там было больше всего людей. На полпути обернулся, посмотрел на свое кресло, оно

одинокое стояло на фоне белого пейзажа. Когда он обернулся, в первый раз за все время нахождения, на льду он разглядел пейзажи. Спустился он, опустив голову, ходил по льду, смотря под ноги. И вот теперь, когда он подружился со льдом, оглянувшись назад, спокойно, увидел бескрайнюю белизну. Арктика – то место, где и небо превращается в лёд. Разве может житель Мурманска так удивляться бескрайним белым пейзажам?

«Вроде одно и то же, но совсем другое», – сказал себе Аристарх. Его глаза болели от ярко-белого света, он прищуривал глаза.

Неожиданно ледокол загудел в честь очередного достижения земного меридиана. Никто не испугался, были крики радости и восторг. Звук привлек его внимание, Аристарх взглянул вверх, туда, откуда был звук. А потом поднял голову в небо.

«Надо же, как небо близко, хоть рукой дотянись», – и рукой попытался дотянуться. А потом почувствовал себя дураком за то, что проделал такой большой путь с материка, он ни разу не любовался всем вокруг. Не смотрел на бушующие воды холодных морей. Не смотрел в бинокль на белых мишек. Сопровождая группу на землях архипелага, в походах посмотреть на морских животных, он изучал свои ботинки. То ли искал опасность, то ли было не до красоты.

«Чего бояться умереть, если ты и не живой вовсе?» – осознал Аристарх, потом, не смотря под ноги, смело зашагал к

отметке меридиана, где в разных позах фотографировались туристы. Он снял свою куртку медработника, несмотря на холод.

– Сфоткай меня, Кирюх, – протянул свой старый телефон нанятому экспедиционной группой фотографу. Их заселили в одну каюту, и ели вместе в столовой за одним столом.

– Аристарх Петрович, давайте я вас лучше на профессиональный, так качественнее. У вас телефон старый.

– Ну ты меня сфоткай на мой сначала, потом на свой, – стоя смирно, он поднял обе руки к груди и большими пальцами показал «класс», – все? – спросил, когда Кирюха опустил уже и свой фотоаппарат. – Ну-ка, покажи, сынок.

Яркое фото с экрана фотоаппарата. Солнце светило ото-всюду, тени не было нигде, и на лице не было. Он рассматривал фон, пейзаж за его спиной. Белое полотно разрывает пространство и устремляется вдаль. Он поднял глаза с экрана аппарата, посмотрел вживую на пейзаж, улыбнулся восторгаясь. «Как же красиво, вот природа щедро одарила нас глазами, а мы не смотрим. Такое даже слепой увидит, не то что зрячий». – Вновь взглянул на экран фотоаппарата, оттуда на него смотрел старик.

«Постарел как», – и вернул фотоаппарат Кирюхе, не хотел видеть это сморщенное лицо, таким он себя помнить не хотел. Поднял со льда куртку, надел, такое удовольствие после холода утеплиться, холод здесь совсем другой, чем в Мурманске.

– Это я во всем виновата, – плакала в машине по дороге с кладбища Лилия, – я хотела тебе потакать, чтобы было, как ты хочешь. Хотела укрепить твой авторитет. Он был бы жив, Аристо, был бы сейчас студентом, хоть кулинарного училища. Ты бы послушался, будь я на стороне Миши.

– Не вини себя, хватит это говорить. Не носи это бремя на своих плечах, Лиличка. Мы переживем, первую смерть пережили и вторую переживем, – конечно, он не верил в свои слова ни на минуту. Смерть старшенькой Зои никто не пережил, ни он, ни она.

Аристарх не знал, как можно пережить смерть ребенка. Когда маленькое тело растет у тебя на руках, потом ты видишь, как ее опускают в землю. Родители просто приспособляются к утрате, привыкают с этим жить. Они с женой привыкли с этим жить, потом родился Миша, и будто бы стало легче. Оба уже не все время думали о смерти первенца.

Зоя утонула в ванной, через полтора года после рождения. В доме отключали воду, чтобы не остаться совсем без воды в квартире, хозяева часто набирали воду в ванной, для первых нужд. Девочка залезла в ванну, полную воды, выйти из ванны уже сама не смогла. Нашел ее Аристарх, и в тот раз ему было суждено видеть первым тело умершего ребенка. Все были дома, но разве за детьми уследишь? Какая опасность может ждать в квартире? Дверь в кухню всегда была закрыта, но точно не в ванную, где стоял детский горшок.

Все винили и в первый раз, и во второй себя. Никто не

винил друг друга, так они пережили первую утрату. Вторую смерть ребенка уже сил не было переживать. Лилия начала пить, ушла с работы. Дралась с мужем, ломала мебель, выносила ценные вещи из дома. Можно ли спасти пьяницу, если пьяница не хочет быть спасенной? Нужно спасти того, кто хочет спасти пьяницу – это самый уязвимый человек в такой паре.

– Я не хочу тебя больше видеть, Аристарх, – что было больнее слышать, как твоя жена с алкогольной зависимостью в минуту трезвости не желает тебя видеть, или то, что назвала тебя полным именем? Лилия всегда его звала Аристо, всегда, но не в этот день, в этот час трезвости.

– Тебе нужна помощь, Лиличка. Я тебя не оставлю. Все с тобой переживу.

– Себе помоги, мне невозможно помочь, я спилась, муж, – и рассмеялась как сумасшедшая. Пепел с закуренной сигареты упал на деревянный пол балкона, который с сыном положил Аристарх, – тебе даже смены в поликлинике не дают, потому что не уважают. У тебя жена пьяница, таких не уважают. Уезжай, разведемся, продам свою часть квартиры, не хочу здесь жить. Эти пять лет, как в аду для меня, хочу выпить. Купи мне водки. Уходи! – громко вдруг заорала во все горло Лилия. У нее, как у Миши, надувались вены на висках и на шее, когда кричала от злости.

Аристарх ушел. Вернулся через сутки, не один.

Забрали ее, как мешок картошки, четыре крепких сани-

тара, уложили на паркет в зале, навалились на нее и вкололи успокоительное. На тележке у Лилии было лицо, как у живого мертвеца, только глаза выдавали ее, она следила за мужем и одобрительно моргнула: «Молодец, так и нужно, спасибо».

– Спасибо, мужики, что приехали. Лева, спасибо, сам понимаешь, – пожал руку своему товарищу из «меда». – Извини, что пришлось с таким вопросом к тебе обратиться, выход был только такой.

– Петрович, ну ты чего нюни пускаешь, все нормально будет. Горе у нее, и не таких ставили на ноги. Она же не больная, полежит немножко в нарко, будем следить за ней.

Лева выбрал себе идеальную работу. Наркология была его призванием. За все эти годы с видами на разные стадии зависимости, слабости, безволя он не стал чёрствым и бессердечным, а с каждым годом мягче и мягче.

В областной наркологии с диагнозом алкоголизм разместили Лилию в областной наркологической клинике. Аристарх продал старую «Тойоту-Камри», щедро поблагодарив главврача за хороший уход против воли больной, что, кстати, незаконно в России.

Через месяц ему исполнялось пятьдесят лет, одному в квартире было страшнее, чем с женой пьющей. Зачем он ждал 4,5 года, чтобы избавить ее от таких мук? Может, надеялся на сознание?

Подлил он себе еще чаю, более под ноги не смотрел, но продолжал смотреть на «Победу». «Самый крупный ледокол

в мире, и вот мы стоим рядом. А я, как гном, восторгаюсь твоей мощью, брат».

Щелчок фотоаппарата услышал за спиной Аристарх, обернулся – Кирюха.

– Вы так фотогенично сидите и смотрите на ледокол, не удержался. Эпичное фото, Аристарх Петрович. Как режиссер смотрит на сцену со съемок, так и вы.

На снимке был Аристарх спиной. Он сидел на раскладном кресле, держал в левой руке кружку, из которой густо выплывал остаток пара. Смотрел он на гигантский ледокол, красно-черный, они идеально вписывались в белый пейзаж.

Моторные звуки ледокола так нежно разрывали шум тишины. Участники туристической экспедиции водили хоро-вод вокруг отметки меридиана, как кругосветное путеше-ствие.

– Еще раз поедете на ледоколе, Аристарх Петрович? – спросил Кирюха.

– Поеду, – утвердительно ответил тот. – Чего же не поехать?

Ему стало стыдно за свое желание. Жена алкоголичка, сын в могиле, а он... а он. Что он? Он по работе приехал, сбежал. Пытался бежать от себя, а попал в собственный плен.

– Вы почти не выходили из каюты, только по вызову.

– Да, неинтересно было, Кирюш, я сына потерял пять лет назад, и вот жену теряю. Я здесь по чистой случайности.

– Разве на атомный ледокол попадают по случайности?

Аристарх достал пачку сигарет из кармана. Кирюше предлагать не стал, тот не курил. «Молодежь бережет здоровье. Умнее нас будут», – подумал тогда, в первый день знакомства с Кирихой, Аристарх. Так и представился – Кирюха.

– Я терапевт в мурманской районной поликлинике, ко мне на прием сын моего друга пришел, фельдшером работал на этом ледоколе, – показал рукой на «50 лет Победы». – Головная боль, болит, говорит, днями и ночами, таблетки не помогали. Оказался острый менингит, а до плавания две недели ровно. Попросился я вместо него, кого бы они за две недели нашли. С работы дали бессрочный отпуск, по совместительству устроился, прошел ускоренную переподготовку в фельдшеры на туристических экспедициях.

Как на больного смотрел главврач, когда принимал Аристарха у себя.

– Ты врач с двадцатипятилетним стажем, какой фельдшер, Аристарх Петрович? – поверх очков смотрел седой аварец в белом халате на пару размеров больше, чем надо.

Аристарх рассказал всю правду, таить не стал, все равно узнают, да и зачем запоминать, что наврал. И про дочь рассказал, и про сына, и про спившуюся жену, и про то, как ее за деньги упрятал в наркоклинику под замок.

– Ты недооцениваешь свои силы, Аристарх Петрович, стоишь, рассказываешь, как нужно сбежать, чтобы забыть, а сам-то силы в себе нашел прийти сюда. То, что от жены не ушел, а продумал, как ей помочь – это не от бессилия.

– Надо очень, хотя бы на год...

– Ох, разошёлся же ты, на год, – промолчал, обдумал себе под носом и продолжил, – ну поезжай сейчас, потом еще найдем куда. Раз хочешь, готов сам ставить капельницы и уколы, смотреть, как тошнит пассажиров, иди.

«Будем обратно плыть, спать не буду, посмотрю все, что упустил», – думал про себя Аристарх и обратился к Кирюхе.

– Ты не знаешь, мы по тому же маршруту поплывём обратно?

– Вроде нет, не знаю точно. Могу спросить, – Кирюха посмотрел по сторонам, хотел найти кого-нибудь из экипажа, на расстоянии голоса никого, – А зачем вам маршрут?

– Расскажи, что ты видел, пока плыли сюда, – отвечать не стал Аристарх.

Фотограф рассказал, как они видели моржей на льдинах: те лежали, «загорали». О том, что за бортом моржи, в громкоговоритель объявил капитан. Земля Франца-Иосифа впечатлила больше всех, наша военная база, красивые виды на поселения с моря. Черные земли, острова в вечной мерзлоте, смиренно лежащие среди ледяных вод. Впечатлил айсберг, приплыли почти вплотную, сделали остановку, чтобы пассажиры разглядели лучше. Синие айсберги, «перевертыши» – капитан в громкоговоритель рассказал, почему они отдают синим оттенком. Как оказалось, айсберг перевернулся в воде, а синим отдаёт, так как, пока был подводная часть пропиталась морской водой. Прозвучало правдоподобно, пасса-

жиры надеялись, что это научный факт, а не предположение.

Загудел атомный ледокол, призывая обратно своих пассажиров: «Давайте, дети, мы едем домой, на землю».

Конец

Дорогой читатель, спасибо, что уделил время и прочитал этот рассказ. Надеюсь, он тебе понравился. Поддержи пожалуйста автора, и напиши комментарий о своем впечатлении в приложении ЛитРес.